

Интерпретация в правоприменительной деятельности (на примере ст. 75, 76 УК РФ)

Е. В. КРАСИЛЬНИКОВА — старший преподаватель кафедры уголовного права Вологодского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук;

Е. В. ПОПАДЕНКО — заместитель декана юридического факультета Вологодского государственного педагогического университета

В современной правовой доктрине одним из актуальных направлений научных изысканий выступает вопрос об арсенале технических средств, с помощью которых раскрывается воля законодателя.

Интерпретация в широком смысле означает истолкование, объяснение, перевод на более понятный язык¹. Интерпретационная техника следует за процессом законотворчества и излагается в интерпретационных актах (актах толкования права) относительно содержания законов, подзаконных нормативных актов, индивидуальных правовых актов и т. п. Однако немаловажную роль в рассматриваемом нами вопросе играет и соблюдение правотворцем требований, предъявляемых при создании текста права. Техническая сторона изложения некоторых норм УК РФ доставляет правоприменителю немало трудностей при их уяснении. Проиллюстрируем сказанное на примере ст. 75, 76 УК РФ.

Условием освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием или примирением с потерпевшим является совершение преступления небольшой или средней тяжести впервые.

Законодательная конструкция «лицо, впервые совершившее преступление» на практике понимается неоднозначно. Так, согласно кассационному определению Архангельского областного суда по делу № 22–816, «по смыслу закона, впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести признается лицо, совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено, либо когда предыдущий приговор в отношении его не вступил в законную силу». Однако в соответствии с нормами уголовного закона лицо может быть освобождено от уголовной ответственности не только при фактически первом совершении им преступления, но и в том случае, если ранее оно привлекалось к уголовной ответственности, но не было осуждено или судимость была снята (погашена). В другом случае государственным обвинителем по уголовному делу в отношении В. было внесено кассационное представление, где ставился вопрос об отмене постановления суда о прекращении уголовного дела, поскольку В. был ранее судим. Судебная коллегия по уголовным делам Архангельского областного суда отменила постановление нижестоящего суда и направила дело на новое рассмотрение, указав в качестве основания отмены на то обстоятельство, что на момент вынесения постановления приговор в отношении В. за ранее совершенное им преступление не вступил в законную силу, и это «не давало суду оснований принимать решение о прекращении уголовного дела»².

Из приведенных примеров видно, насколько неоднозначно складывается практика даже в юрисдикции

одного суда в отношении трактовки «лицо, впервые совершившее преступление».

Одним из признаков, свидетельствующих о деятельном раскаянии обвиняемого, является способствование раскрытию преступления. Здесь следует обратить внимание на противоречивость норм уголовного права. Законодатель в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, указал «активное способствование раскрытию преступления», в то время как при освобождении от уголовной ответственности достаточно только «способствования раскрытию» деяния без какой-либо интенсивной, энергичной деятельности со стороны виновного. Положения уголовного закона необходимо привести к единообразию. Еще одной «несостыковкой» законодателя является то, что в настоящее время термин «раскрытие преступления» выведен из оборота уголовно-процессуального законодательства, а его использование в уголовном законе приводит к трудностям его толкования. Также наблюдается отождествление термина «раскрытие преступлений» со сходными понятиями, такими как предупреждение и пресечение преступлений. Отграничение этих действий принципиально важно, поскольку в ст. 75 УК РФ возможность освобождения лица от уголовной ответственности связывается именно со способствованием раскрытию преступления.

Следует отметить еще одну противоречивость позиции законодателя: лицо «вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным», однако правоприменитель может освободить его от уголовной ответственности, а может и привлечь к ней на общих основаниях. В случае, когда лицо не представляет общественной опасности, привлечение к уголовной ответственности является бессмысленным. Кроме того, законодательная конструкция «лицо перестало быть общественно опасным» является достаточно размытой. Правонарушитель может совершить все указанные в ч. 1 ст. 75 УК РФ постпреступные действия, руководствуясь возможностью избежать наказания. В такой ситуации нет оснований говорить об утрате лицом общественной опасности.

Законодательная формулировка «лицо, совершившее преступление» позволила ряду авторов объявить институт освобождения от уголовной ответственности противоречащим принципу презумпции невиновности³.

Нам представляется, что проблема соотношения рассматриваемого института и принципа презумпции невиновности несколько надуманна. Уголовное законодательство имеет дело с объективными категориями, независимыми от степени их познания на той или иной стадии процесса; преступление остается преступлением независимо от того, когда этот

факт был обнаружен или официально удостоверен приговором суда. Однако до того момента, как приговор суда вступит в законную силу, вопрос об уголовной ответственности остается неопределенным. Отсюда следует, что невозможно освободить кого-либо от того, что еще не определено, не установлено. По нашему мнению, существующая коллизия будет устранена, если законодатель в УК РФ будет использовать термин «освобождение от уголовного преследования», как это существует во многих зарубежных странах.

Резюмируя вышеизложенное, еще раз отметим особое место интерпретации в процессе правотворчества и ее связь с техническим состоянием норм права. Облегчить работу правоприменителя

способен только сам законодатель, соблюдающий правила юридической техники при изложении своей воли.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1987. С. 497.

² См.: Архив Архангельского областного суда за 2006 г. Дело № 22–3303.

³ См., напр.: Петрухин И. Л. Презумпция невиновности — конституционный принцип советского уголовного процесса // Советское государство и право. 1978. № 12. С. 23; Лукашевич В., Шимановский В. О праве прокурора и следователя прекращать уголовные дела по нереабилитирующим основаниям // Социалистическая законность. 1991. № 10. С. 36 и др.

Порядок оформления трудовых отношений: вопросы теории и практики

Н. И. МИНКИНА — старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Восточно-Сибирского филиала Российской академии правосудия, кандидат юридических наук

Важным этапом в трудовой деятельности человека является возникновение трудового отношения и его правильное оформление, что во многом зависит не только от работодателя, но и от гражданина, ищущего работу и желающего трудоустроиться. Роль последнего субъекта нельзя недооценивать. Как показывает практика, большинство нарушений трудового законодательства Российской Федерации, в том числе на стадии заключения трудового договора и возникновения трудовых отношений, допускается работодателем с молчаливого согласия работников. Понятно, что причины такого молчания могут быть разными: от элементарного незнания норм Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ) до человеческой потребности трудоустроиться любым образом.

Значимость стадии возникновения трудового правоотношения можно определить посредством известного выражения «Как корабль назовешь — так он и поплывет».

Гражданину, устраивающемуся на работу, следует проявлять особую бдительность на этапе заключения трудового договора с работодателем, что в совокупности с правовой грамотностью может стать одной из возможных мер по предупреждению нарушений российскими работодателями трудового законодательства, будет способствовать осуществлению деятельности надзорным инстанциям и контрольным органам в сфере трудового законодательства и иных нормативно-правовых актов, содержащих нормы трудового права страны.

В 2002 г. в ст. 68 ТК РФ была определена единственная форма установления трудовых отношений — заключение трудового договора. Между тем в правоприменительной деятельности до сих пор можно встретить заключение разного рода «соглашений» по регулированию труда работников. Более того, достаточно распространены факты заключений «договоров» и «контрактов». В последнем случае речь не идет о служебных контрактах.

Следует заметить, что помимо указанного неверного наименования договоренности сторон о возникновении трудовых отношений, поскольку это противоречит положениям ст. 68 ТК РФ, непонятна и правовая природа происхождения отношений, охватываемых такими «договорами», «контрактами» и «соглашениями» (далее мы будем называть это «соглашениями»).

Исходя из содержания таких «соглашений» работодатель нередко целенаправленно оформляет вовсе не трудовые, а гражданско-правовые отношения. Поэтому граждане, заключая и подписывая подобного рода «соглашения», не имеют четкого и грамотного с юридической точки зрения представления о том, в какие отношения они вступают. На практике выясняется, что граждане, подписывая, как они полагают, трудовые договоры, не имеют никаких социальных льгот в сфере труда, а при обращении в судебные инстанции становится возможным установление законности действий так называемого «работодателя» — другой стороны отношений. Таким образом, у граждан складывается не соответствующее реальной действительности представление о несоблюдении норм трудового законодательства, подкупе суда и т. п. Однако «псевдорботник» даже не полагает, что он сам себя лишил социально-трудовых льгот, когда-то необдуманно подписав «соглашение», под которым подразумевался договор гражданско-правового характера, что трудовым законодательством не регулируется.

Смежными с трудовыми договорами являются договоры подряда и договоры возмездного оказания услуг (гл. 37 и 39 ГК РФ).

В специальной юридической литературе много внимания уделялось и уделяется рассмотрению вопросов, касающихся критериев разграничения указанных смежных договоров. Так, например, возможна ситуация, когда работодатель заключил гражданско-правовой договор, а фактически с работником сложились трудовые отношения. Последний может в су-